

— А как же не поблагодарить любовниц?
— И что, твоя жена к этому нормально относится?

— Абсолютно. Мы жили вместе уже давно, а расписались только недавно. Хотя у нас не "фри лав", она понимает, о чем я говорю. Она классная. Самая лучшая из всех. Она всегда рядом со мною.

— Вчера перед концертом девчонки толпились у служебного входа и наперебой сообщали друг другу "последние новости" якобы из твоих уст. Говорили: "Денег на клип у Васильева нет, альбома тоже не будет".

— Да? Я иногда тако-о-е про себя слышу... Вчера подходит ко мне одна девушка и говорит: "Тебе привет от Насти. Ты ее помнишь?". Я говорю: "Конечно...". Она продолжает: "Ты с ней жил!". И только тут я врубаюсь! Я очень хорошо помню каждую женщину, с которой у меня были какие-то отношения. И Насти среди них не было ни одной. Это точно. Но девушка была убеждена: раз Настя сказала, что я с ней жил, значит, я с ней жил. Даже не пытайся откеститься от этого. Причем рядом стоит моя Сашка, жена, и говорит: "Конечно-конечно. Он жил с ней очень долго".

— У вашего гитариста Стаса Березовского недавно дочка родилась...

— Да, Сонька.

— А ты сам планируешь иметь детей?

— А детей невозможно планировать. Они появляются, когда им нужно.

— А кого хотелось бы больше — дочку или сына?

— Да ребенка!

Говорят, что песню «Рыба без трусов», Васильев написал, увидев свою жену Сашу, когда она выходила из ванной, напевая «А йя рыба, йя рыба...»

«Мне давным-давно параллельно, мне все по барабану...»

— В одном из интервью я читала, что перед концертом вы не составляете программу, а больше ориентируетесь на публику...

— Это я сказал? Надо перечитать еще раз. Если мы начнем подстраиваться под публику, то первый, кто от нас отвернется, это сама публика. Обычно мы пишем список песен, которые будем играть, иначе у меня будет "измена" — играли мы сегодня эту песню или нет. Кроме того, так легче выстроить драматургию концерта. Чтобы раскидать тихие песни с громкими, чтобы публика то поднималась, то успокаивалась. По-моему, я в Интернете прочитал: "Сплин" скупился, им всем бумажки с песнями подкладывают". Одно время даже "сел на измену": "А может, это плохо и неправильно?". А потом увидел, как на концерте Ника Кейва каждому музыканту клали список, и подумал: "А вот пошли теперь все в жопу. Если что, я буду говорить — а вот Нику Кейву тоже бумажки кладут". У "Стоунз" тоже лежали бумажки.

— Кстати, ходил слух, что после того концерта ты загремел в психику...

— Да? Наверное, до сих пор оттуда не выпился! Тринадцатого утром мы приехали на Кавказ. Это лишнее подтверждение тому, что в психушке я не был.

— Как получилось, что вы решились выступить на разогреве у "Роллинг Стоунз"?

— Нам сказали: "Хотите с ними выступить?". Мы подумали: "А почему бы и нет? Приколно".

— Какие они произвели на вас впечатление?

— Да мы с ними практически и не общались. Там охрана на уровне президента США. К ним никого не подпускают. Хотя в итоге музыканты, конечно, шлялись по коридорам без охраны. Я поговорил лишь с Чарли Уоттсом. Он первый поздоровался, первый протянул руку... Джаггер прошел мимо такой вес: "Я — Джаггер. Поняли?". Уоттс был самый интеллигентный.

— Не было ощущения, что все-таки люди пришли исключительно на "Роллингов"?

— Была стопроцентная уверенность, что публика пришла на "Роллинг Стоунз".

— Тогда, может, стоило отказаться?

— Да нет, не стоило совершенно. Дело в том, что у них принято, чтобы в любом городе у них кто-то играл на разогреве. Либо они берут кого-то своих, типа Шерил Кроу, либо местную группу. Это их условие. Но мы никогда не лезем туда, где мы лишние.

«Мы чересчур увеличили дозу...»

— У тебя была песенка: "Нет ничего смешнее алкоголя..." То есть ты совсем не выпиваешь?

— Почему? Как раз совсем выпиваю.

— А что пили вчера?

— Ребята пили водку, а я — пиво.

— Это твой любимый алкогольный напиток?

— Нет. Мой любимый алкогольный напиток — "Абсент". Это семидесятиградусный напиток из дурманных трав, типа полыни. Он запрещен к продаже в Европе и здесь, но в Праге нам все-таки удалось раздобыть бутылочку.

Саша: «Одни часы мне подарила жена, а по другим я определяю время».

«Бог устал нас любить...»

— А ты не пробовал пойти по стопам Бориса Гребенщикова и открыть для себя буддизм?

— Нет, мне даосизм интересней. Буддизм — это религия. А значит, ей нужно подчиниться.

— Ты сам православный человек?

— Нет, я даосист. Даосизм — это учение, которое честно говорит: "Парень, если ты хочешь чего-то добиться — верь только в себя, не верь ты в этих богов".

— Чего бы ты еще хотел достичь в жизни? Есть какая-то цель?

— Никакой цели я никогда перед собою не ставил. Мы не шли к какому-то результату. Мне нравится сам процесс. Мне нравится, что время от времени у меня появляются песни, мне нравится их репетировать и потом играть. Я думаю, что "Гранатовый альбом" только-только дошел до людей. То есть они получили возможность только сейчас его понять. Я это почувствовал только вчера. То есть нам и раньше подпевали, но такого "атаса", как вчера, еще не было ни разу. (На концерте пел весь зал. — Прим. авт.)

— Ты обычно оговариваешь перед концертом свои гонорары?

— Нет. Наверное, я неправильно себя веду, потому что нужно, конечно же, больше этим интересоваться. Я получаю ровно столько, сколько мне платят. А сколько мне платят, я узнаю уже после концерта.

— Многие считают твои песни слишком депрессивными...

— Да нет, это не депрессия. Депрессия у меня была давно, лет в 16—17, из-за несчастной любви. А песни... Они не депрессивны. Я еще сам не подобрал такое слово, но они не депрессивны, это точно.

— Может быть, это слово "сплин"?

— Да, наверное. В общем, "любовь — это когда хорошим людям плохо".